

Ox-head soup

Сварил Виктор Пелевин

Употребила АННА НАРИНСКАЯ

В советской школе нас учили, что, предваряя «Анну Каренину» библейским эпитафией «Мне отмщение и аз воздам», автор этого произведения собирался изобразить свою героиню грешницей, которая получает по заслугам. «Но правда творчества, — говорили нам, — оказалась для великого писателя важнее, чем религиозные идеи. Работая над книгой, он полюбил свою героиню и заставил читателя сочувствовать ей». Тогда эта фраза казалась мне таким же враньем, как и все, чему меня учили. Теперь я в это верю. То, что правда творчества, его течение может заставить писателя отказаться от задуманной схемы, где все было так удачно и аккуратно и все кнопочки подходили к дырочкам, представляется мне движущей силой искусства. И роман отличается от супа тем, что не равен своей концепции в той мере, в которой пирог равен своему рецепту.

Только, наверное, таких слов в школах больше не говорят. Такие взгляды глубоко неактуальны. Все знают: концепция — она важнее. Схема — она элегантнее. И вообще, нужно, чтобы был проект. (Удивительно, кстати, как долго это слово не выходит из моды.)

Вот, например, писатель Пелевин. Он, конечно же, наше все, потому что скажите, кому еще из наших предлагают сделать что-нибудь вместе с Маргарет Этвуд и даже вроде бы вместе с Умберто Эко. А не успел он это на это согласиться, как по созданному произведению поставили спектакль. А предложило ему эдинбургское издательство Canongate в составе группы писателей создать свою версию известного мифа — на выбор. Уж если это вам не проект, то я прямо не знаю.

Пелевин в проекте поучаствовал тоже проектом. В его сочинении «Шлем ужаса» налицо строгое соответствие концепции, а проще говоря, рецепту. Присутствуют все необходимые элементы и ничего неожиданного. Сто грамм этого, две чайные ложки того.

В качестве темы Пелевин выбрал лабиринт Минотавра. В нем заблудились восемь чатающихся в интернете персонажей (интернет же — лабиринт наших дней). Они неосознанно и в то же время сознательно разыгрывают историю Тесея, Ариадны и Минотавра. Все перебрасываются очевидными и не очень намеками, отсылающими к настоящей и поп-культуре, и собой же эти намеки олицетворяют. Например, имеется персонаж, склонный к экзистенциальному бунту, — его, разумеется, тошнит. Есть влюбленные друг в друга Ромео и Изольда. Есть Bull Gates. И всячески препарированная богатая мифология лабиринта от средневековых мистиков до Борхеса, которым все так смазано, что аж блестит. К середине коротенькой книжки мы понимаем, что лабиринт, где томятся персонажи, — не что иное, как бычья голова Минотавра, которая и есть Шлем ужаса. А действующие лица — функции ума Минотавра, который и сам — и функция своего ума, и лабиринт. Прямо «Бойцовский клуб», помноженный на четыре. К нему среди всего прочего Пелевин нас аккуратно и отсылает.

За что ему большое спасибо. Потому что, разобравшись в этих отсылках и намеках, чувствуешь себя таким современным и продвинутым. И «Анна Каренина» здесь ни при чем. Я, кстати, как раз хотела к ней вернуться. Чтобы сказать, что понимаю, что выгляжу глуповато: мол, Пелевин ей не катит, а Толстой, эка невидаль, нравится. Нет, Пелевин катит. Но Анна Каренина действительно ни при чем.

